

574584

1907
1689+

ВЗГЛЯДЪ
НА
ИСТОРИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ
ВЪ ЕВРОПѢ.

ИЗДАНИЕ
1881

1000
1000
1000
1000
1000

ESTABLISHED

LECTURE ROOMS

BY THE

ВЗГЛЯДЪ
НА
ИСТОРИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ
ВЪ ЕВРОПѢ.

СОЧИНЕНІЕ

Д. И. КАЧЕНОВСКАГО.

МОСКВА.

Въ Типографіи Каткова и К^о.

1859.

Центральна Наукова
БІБЛИОТЕКА при ХДУ
Инв. № _____

68545

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, ноября 27 дня, 1859 года.

Ценсоръ А. Драшусовъ.

Предлагаемое сочинение состоит изъ четырехъ статей, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», два года тому назадъ. Онѣ появились въ то время, когда читающая публика начала особенно интересоваться вопросами о государствѣ и, можно сказать, были вызваны настроеніемъ умовъ въ самомъ обществѣ. Предѣлы журнала не позволяли автору распространиться и войти въ подробности неисчерпаемаго предмета. Чтобы объять его со всѣхъ сторонъ, нужно бы было составить обширную монографію. Поэтому авторъ предпочелъ изобразить въ бѣгломъ очеркѣ движеніе политической мысли на западѣ Европы и познакомить читателя по крайней мѣрѣ съ главными дѣятелями науки, съ основными ея результатами, съ общимъ характеромъ добытыхъ въ ней идей. Такъ какъ на русскомъ языкѣ не появилось ни одной книги въ подобномъ родѣ, то предлагаемыя статьи могутъ до времени и въ нѣкоторой степени пополнить чувствительный пробѣлъ въ нашей литературѣ. Главнымъ пособіемъ при ихъ составленіи служили недавно изданныя сочиненія Блеки ¹⁾ и Моля ²⁾ Кромѣ того авторъ имѣлъ подъ рукой разныя спеціальныя изслѣдованія Перечи-

¹⁾ *Blakey*, History of politicae litterature. London 1855. 2 vols.

²⁾ *Mohl*, Geschichte u. Litteratur der Staatswissenschaften. Erlangen. 1855—56. 2 B-de. Недавно появился третій и послѣдній томъ этого сочиненія.

слять ихъ здѣсь было бы излишне: они подведены въ ссылки и примѣчанія. Вообще авторъ не пренебрегалъ библиографическими указаніями. Не имѣя въ виду исключительно специалистовъ, онъ старался дать читателямъ руководящую нить и возбудить молодое поколѣніе къ самостоятельному изученію государственныхъ наукъ. Дальше не простирались его претензіи. Въ самомъ дѣлѣ, при безчисленномъ множествѣ книгъ, изданныхъ на иностранныхъ языкахъ по этой отрасли знанія, будущему публицисту необходимо сдѣлать изъ нихъ выборъ. Въ предлагаемой брошюрѣ онъ найдетъ для себя нѣкоторое пособіе при начальныхъ трудахъ; указанные же въ ней монографіи могутъ облегчить ему изученіе отдѣльныхъ эпохъ.

Въ дополненіе къ этой брошюрѣ, авторъ намѣренъ издать еще нѣсколько очерковъ, въ которыхъ будетъ показано, на сколько европейскіе народы участвовали въ обработкѣ разныхъ политическихъ наукъ. Матеріалъ для этихъ очерковъ уже готовъ; они также будутъ напечатаны отдѣльною книжкой.

Д. Каченовской.

Харьковъ.

21-го октября 1859 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
I. О скептицизмѣ относительно политическихъ наукъ. Ихъ природа и особенный характеръ. Причины разногласій между публицистами. Элементы единства въ государственныхъ наукахъ. Выводъ общихъ началъ; аксіомы высшія и среднія. Обработка исторіи политическихъ наукъ. Оцѣнка трудовъ Блеки и Моля. Вліяніе христіанства на развитіе идей о государствѣ. Отцы церкви и схоластики.	1—38
II. Эпоха возрожденія наукъ и реформаци. Обзоръніе италійанской политической литературы. Макиавелль; его послѣдователи и противники. Взглядъ на политическихъ писателей Испаніи. Состояніе науки о государствѣ въ Германіи и Франціи. Боденъ и его книга <i>de republica</i> . Англійскіе и шотландскіе публицисты. Томасъ Моръ и Букананъ. Критика сочиненія Гуго де-Грота, « <i>de jure belli ac pacis</i> ». Общій взглядъ на эпоху религіозныхъ войнъ.	39—69
III. Пробужденіе политической мысли и философіи въ XVII вѣкѣ. Беконъ, Гоббсезъ, Пуфендорфъ, Лейбницъ и Вольфъ. Положительная школа въ Германіи. Монтескье и Руссо. Энциклопедисты и физіократы. Школа революціонная. Кантъ. Общій взглядъ на политическую философію XVIII вѣка.	70—108
IV. Вліяніе французской революціи и Наполеона на политическое устройство Европы. Характеръ представительнаго правленія и конституціонныхъ партій въ эпоху реставраціи. Перевороты 1830 и 1848 годовъ. Политическія стремленія XIX вѣка. Реакціонныя школы: 1) богословская, 2) Галлерова и 3) историческая. Успѣхи философіи. Значеніе доктринеровъ. Происхожденіе школы общественной. Соціалисты и соціологи. Отношеніе общества къ государству и наукъ общественныхъ къ политическимъ.	109—142

Чт
мате
свои
ленн
ховн
чені
шей
деся
лавр
тѣм
Пре
пра
ней
шим
ная

I.

Что бы ни говорили порицатели XIX вѣка объ исключительно-матеріальномъ его направленіи, онъ имѣетъ основаніе гордиться своими трудами и подвигами на поприщѣ науки. Только ослѣпленные пессимисты могутъ упрекать настоящее время въ духовной непроизводительности. Конечно было бы крайнимъ увлеченіемъ думать, что всѣ отрасли знанія достигли теперь высшей степени совершенства, что въ теченіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ умъ на каждомъ шагу одерживалъ побѣды и пожиналъ лавры, но съ другой стороны никакъ нельзя согласиться съ тѣми, которые видятъ кругомъ одни заблужденія и неудачи. Предоставляя будущему окончательную оцѣнку успѣховъ и исправленіе ошибокъ *положительнаго* вѣка, мы можемъ по крайней мѣрѣ отдать ему справедливость сравнительно съ прошедшимъ: неопровержимые факты убѣждаютъ насъ, что умственная дѣятельность въ современныхъ обществахъ значительно

распространилась и принесла плодотворные результаты для жизни. Обширный запасъ свѣдѣній, завѣщанный XVIII столѣтіемъ, не остался мертвымъ капиталомъ въ рукахъ новаго поколѣнія: оно овладѣло своимъ богатствомъ сознательно, сдѣлало съ помощію собственнаго труда новыя пріобрѣтенія и воспользовалось ими для улучшенія общественнаго и частнаго быта. Многія великія идеи были примѣнены къ практикѣ смѣло и успѣшно. Творческая и преобразующая сила науки особенно высказалась въ тѣхъ чудесныхъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ, посредствомъ которыхъ человѣкъ подчинилъ себѣ время и одолѣлъ пространство. Самая невѣжественная толпа должна была преклониться передъ ними, самый упорный скептикъ долженъ былъ признать торжество духа надъ природою: удивительный переворотъ совершился съ необыкновенною быстротою на глазахъ всего образованнаго міра.

Впрочемъ блестящіе успѣхи естествознанія въ XIX столѣтіи еще не доказываютъ, что европейскіе народы сосредоточили всю свою дѣятельность на изученіи физическихъ законовъ и явленій. Пытливый умъ нашего времени коснулся также духовной нравственной сторонѣ жизни, затронулъ собственно человѣческіе вопросы, раскрылъ прошедшее для опыта и наставленія и предпринялъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ критическія изысканія. Философія, филологія, юриспруденція, педагогика, исторія были разработаны съ новой точки зрѣнія и поставлены въ уровень съ требованіями вѣка. Но, кажется, ни въ одной отрасли знанія не обнаружилось такое сильное движеніе, какъ въ наукахъ политическихъ: онѣ возбудили особенный интересъ по самому ходу событій. Послѣ кровавыхъ бурь и потрясеній всеобщей войны наступилъ продолжительный миръ. Переживъ тяжкія испытанія временъ революціи и имперіи, европейское общество увидѣло передъ собою другую задачу, почувствовало себя въ новой сферѣ: въ публичной жизни произошелъ переломъ. Старыя формы, стѣснительныя учрежденія феодализма исчезли; прежній международный порядокъ разрушился: вмѣсто мелкихъ, дробныхъ владѣній въ Европѣ явились болѣе или менѣе округленныя государства; политическія идеи, которыя до времени были провозглашаемы теоріею, въ нѣкоторой степени осуществились на практикѣ; общественныя преобразованія и

улучшенія были предприняты почти вездѣ. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ лучшіе умы обратили вниманіе на политическія науки, чему способствовало между прочимъ распространеніе журналистики, большая противъ прежняго времени свобода книгопечатанія и преподаванія, и наконецъ введенная во многихъ государствахъ публичность преній. Такимъ образомъ XIX столѣтіе ознаменовалось для европейскихъ народовъ развитіемъ политической литературы. Она получила не только новый видъ, но и совершенно отдѣльное существованіе. Между тѣмъ какъ въ средніе вѣка изслѣдованія о государствахъ носили на себѣ богословскій отпечатокъ, а въ послѣдствіи подпали вліянію философіи,—теперь отразилось на нихъ *практическое* направленіе. XIX вѣкъ мало сочувствовалъ идеаламъ и фантастическимъ изображеніямъ недостижимыхъ на землѣ благъ, но занимался болѣе наблюденіями надъ существующими государствами, пріискивалъ способы исправить ихъ несовершенства, обсуживалъ настоятельныя мѣры общественной пользы; короче сказать, его трогали скорѣе живые, непосредственные интересы, нежели умозрѣнія. Публицисты, разумѣется, старались отвѣчать требованіямъ и приноравливаться къ духу времени. Отсюда произошли самыя благотѣльныя послѣдствія: политическія науки, которыя прежде отдалялись отъ дѣйствительности, имѣли отвлеченный характеръ и занимали немногихъ избранныхъ мыслителей, стали доступны для массы и пріобрѣли большой вѣсъ въ практической жизни. Читающая публика начала интересоваться не только отечественными событіями, но слѣдить съ особеннымъ вниманіемъ за всѣми явленіями общественной жизни человѣчества. Каждый политическій опытъ, предпринятый однимъ народомъ, приковывалъ къ себѣ участіе всѣхъ; ни одно мѣстное нововведеніе или преобразованіе не проходило незамѣченнымъ въ прочихъ государствахъ; даже спеціальныя вопросы администраціи и государственной экономіи, прежде непонятныя для большинства, обсуживались европейскою публикой.

Но если, при видѣ телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ, каждый сознаетъ, или по крайней мѣрѣ чувствуетъ, что естествознаніе въ послѣднее время сильно подвинулось впередъ и усовершенствовало самую жизнь, то далеко не всѣ вѣрятъ въ успѣхъ наукъ политическихъ. Найдется не мало скептиковъ, которые готовы

отрицать не только развитіе, но и всякое значеніе этихъ наукъ для общества, и съ горячимъ убѣжденіемъ доказывать происходящій отъ нихъ вредъ. Какъ часто еще приходится слышать ожесточенныя жалобы на политико-соціальное направленіе вѣка отъ людей опытныхъ и, по видимому, довольно разсудительныхъ! Они съ душевнымъ прискорбіемъ, даже съ негодованіемъ говорятъ о бесполезной тратѣ силъ и способностей, которыя можно было бы обратить на лучшее, болѣе благодарное поле, чѣмъ такъ-называемая политика. По ихъ словамъ, изученіе общественныхъ законовъ и явленій бесплодно, не даетъ никакихъ прилагаемыхъ къ жизни результатовъ, не приноситъ пользы и даже не удовлетворяетъ стремленія къ истинѣ. Въ политическомъ мірѣ—кругомъ хаосъ и произволъ, на каждомъ шагу споры и противорѣчія; здѣсь нѣтъ ни одного руководящаго начала, ни одной аксіомы; публицисты ни въ чемъ не согласны между собою; истина, кажется, убѣгаетъ отъ ихъ шумной и безпорядочной полемики. Съ помощью наукъ, громко величающихъ себя государственными, нельзя ни создать государства, ни препятствовать его упадку, ни управлять жизнію общества; изученіе политической экономіи не сдѣлаетъ народа богатымъ, если онъ не имѣетъ естественныхъ ресурсовъ и способности къ труду. По мнѣнію нѣкоторыхъ, науки эти даже опасны. При этомъ обыкновенно ссылаются на Францію, которую политическія науки будто бы не разъ увлекали въ потрясенія и сбивали съ настоящей дороги; на Германію, бѣдствія которой будто бы происходятъ преимущественно отъ ученыхъ публицистовъ, и на прочія государства западной Европы. Но трудно перечислить обвиненія, которыя въ разное время были направлены противъ этихъ наукъ: достаточно замѣтить, что онѣ отвѣчали за всѣ кризисы, неудачи и пороки рода человѣческаго. Напрасно было бы говорить обвинителямъ о новыхъ учрежденіяхъ, о преобразованіяхъ въ управленіи, о развитіи финансовъ и умноженіи богатства у современныхъ народовъ. Они готовы приписать все это практической смѣтливости, цивилизаціи, даже наукамъ, только не политическимъ. По ихъ мнѣнію, общественный прогрессъ зависитъ исключительно отъ историческихъ условій, отъ національнаго характера, а иногда отъ благопріятнаго случая; они не требуютъ отъ государственнаго человѣка знанія, а только искусства и ловкости;

и вполне убѣждены, что на политическомъ поприщѣ можно дѣйствовать безъ всякаго приготовленія, что здѣсь достаточно руководствоваться чисто практическими указаніями.

Любопытно знать, на чемъ основываются, чѣмъ поддерживаются эти ходячія мнѣнія. Конечно, скептицизмъ подобнаго рода не всегда имѣетъ чистый источникъ; онъ обыкновенно происходитъ отъ невѣжества, отъ предубѣжденія въ пользу рутины, или отъ закоренѣлой вражды къ успѣхамъ человѣческаго разума, иногда отъ односторонности или отъ болѣе-невиннаго стремленія оригинальничать и прослыть умникомъ. Вообще люди имѣютъ наклонность требовать отъ науки того, что она имъ дать не можетъ, напримѣръ таланта, пракческаго такта, приписывать ей исключительно ошибки, неизбѣжныя во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, и обвинять въ неудачахъ не того, кого слѣдуетъ. До сихъ поръ еще часто приходится слышать упреки философіи за то, что она не даетъ мудрости въ жизни; юриспруденціи,—что она не развиваетъ въ своихъ ученикахъ справедливости и безкорыстія; наконецъ медицинѣ,—что она не умѣетъ распознавать и лѣчить многія болѣзни. При этомъ упускаютъ изъ вида различіе между наукою и ея примѣненіемъ къ жизни, между теоріею и практикою, знаніемъ и искусствомъ.

Но хотя скептицизмъ находитъ оружіе противъ всякой истины, должно сознаться, что политическія науки наиболѣе подвержены его нападкамъ: недовѣріе къ нимъ вкоренилось глубоко и высказывалось даже многими публицистами. Прошло много столѣтій съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ началъ изучать законы и явленія общественной жизни и, повидимому, до сихъ поръ отчаевается въ успѣхъ. Такое сомнѣніе не можетъ быть случайнымъ и требуетъ удовлетворительнаго объясненія. Отчего въ самомъ дѣлѣ происходитъ шаткость и неудовлетворительность, замѣчаемая въ политическихъ наукахъ? почему въ нихъ много кажущихся противорѣчій и аномалій? Можетъ ли здѣсь умъ достигнуть точности? Если можетъ, то почему твердое и основательное знаніе пріобрѣтается медленно и съ трудомъ?

Чтобъ отвѣчать на эти вопросы, нужно вникнуть въ природу общественныхъ истинъ и взвѣсить условія, подъ вліяніемъ которыхъ онѣ вырабатываются и прилагаются къ жизни. Вообще нельзя сдѣлать вѣрной оцѣнки результатамъ, добытымъ въ извѣст-

ной отрасли знаній, не обративъ вниманія на свойство самаго предмета и на внѣшнія обстоятельства, которымъ подчинено его изученіе. Скептики слишкомъ неумѣренны въ требованіяхъ и поспѣшны въ заключеніяхъ. Конечно не трудно произносить съ отвлеченной точки зрѣнія рѣзкіе приговоры надъ разумомъ, но не полезнѣе ли понять прежде, что задерживаетъ его успѣхи, какія преграды встрѣчаетъ онъ на своемъ пути? Если мы станемъ на высоту безусловной истины, то ни одна наука не удовлетворитъ насъ, потому что въ каждой есть свои темныя стороны и недостатки, каждая имѣетъ только относительное достоинство. Въ политическихъ наукахъ, такъ же какъ и во всѣхъ другихъ, легко найти несовершенства и ошибки, можетъ быть даже легче; но это еще не даетъ намъ права объявить, что всѣ усилія человѣка къ уразумѣнію общественныхъ истинъ безплодны. Едва ли въ настоящее время кто-нибудь будетъ раздѣлять серьезно такое отчаянное убѣжденіе. Противъ него говорятъ факты. Мы видимъ кругомъ себя почти одинаково устроенныя государства, живемъ подъ владычествомъ извѣстнаго порядка и можемъ наблюдать правильное, спокойное движеніе общественнаго организма. Странно было бы считать игрою случая или произвола эти повсемѣстныя явленія: прочный и мирный союзъ между людьми есть необходимая и естественная сфера земнаго существованія; въ немъ отдѣльные члены тѣсно связаны между собою и вмѣстѣ съ тѣмъ каждому въ извѣстныхъ границахъ предоставлена самостоятельность; здѣсь нѣтъ мѣста своеволію и насилію, все развивается гармонически, подъ защитою одной правильной власти, и вездѣ замѣтна творческая и руководящая дѣятельность ума. Короче сказать, такое стройное соединеніе не могло бы существовать и идти впередъ, еслибы оно не отвѣчало требованіямъ природы. Итакъ допуская, что человѣкъ есть существо общительное или, по выраженію Аристотеля, политическое, что онъ одаренъ исключительно передъ другими животными способностію совершенствовать свою общественную жизнь, мы должны согласиться также, что онъ имѣетъ силу познавать общественныя истины и прилагать ихъ къ практикѣ. Эти истины, хотя невидимыя и неосозательныя для физическаго наблюденія, однакоже носятъ на себѣ неизмѣнный и всеобщій характеръ, столько же дѣйствительны, сколько дѣй-

ствительны законы внѣшняго міра, а потому могутъ быть предметомъ науки. Изученіе ихъ, конечно, требуетъ особыхъ приѣмовъ, отдѣльной методы; сюда не прилагаются тѣ способы, которые употребительны въ наукахъ естественныхъ; общественныя явленія имѣютъ совершенно другія свойства; ихъ нельзя подмѣтить и понять по тѣмъ правиламъ, которыя съ такимъ успѣхомъ примѣнены къ физической природѣ; здѣсь встрѣчаются какъ для опыта, такъ и для разума нѣкоторыя особенныя трудности и препятствія. Вотъ что говоритъ объ этомъ одинъ изъ писателей, приведенныхъ въ началѣ нашей статьи:

«Сомнѣнія относительно политическихъ наукъ происходятъ вопервыхъ отъ сложности самаго предмета. Человѣкъ по большей части судить ограничено о послѣдствіяхъ какой-нибудь государственной мѣры и проникаетъ рѣдко до отдаленныхъ причинъ и результатовъ сквозь безконечныя сплетенія общественной жизни. Многообразіе явленій и законовъ, требующихъ внимательнаго изслѣдованія, запутываетъ самый ясный умъ. Недостатокъ способности находить общія начала и подвергать ихъ строгой критикѣ также ведетъ къ ошибкамъ и ложнымъ заключеніямъ. Когда разрозненные и ничего незначащіе факты приняты за доказательства къ наукѣ, она не можетъ дать основательныхъ результатовъ.» (1)

Конечно устройство общественнаго организма не такъ просто, какъ думаютъ поверхностные люди: части его разнообразны; вѣтви раскинуты широко; тайныя пружины ускользаютъ отъ наблюденія. Но преграды подобнаго рода встрѣчаются не въ однѣхъ политическихъ наукахъ: всякое основательное знаніе требуетъ продолжительнаго труда; вездѣ легче впасть въ ошибку, и сдѣлать ложный или односторонній выводъ, чѣмъ полезное открытіе. Къ сожалѣнію есть другія, не менѣе значительныя препятствія, съ которыми долженъ бороться человѣкъ при рѣшеніи политическихъ задачъ.

«Разногласія въ политическихъ наукахъ, продолжаетъ тотъ же публицистъ, особенно поддерживаются отъ того, что всѣ общественные вопросы тѣсно связаны съ личными интересами.

(1) *Blakey History of political literature, introduction p. III.*

Напрасно убѣждать людей въ пользу извѣстнаго закона, если онъ затрогиваетъ ихъ частныя выгоды: они отвергнутъ самыя убѣдительныя доказательства, и чѣмъ очевиднѣе фактъ, тѣмъ упорнѣе будутъ сопротивляться. Въ другихъ наукахъ, умъ по крайней мѣрѣ сохраняетъ свободу сужденія и спокойствіе въ спорахъ; здѣсь же каждая новая идея, каждая реформа должна выдержать ожесточенную борьбу со страстями и предразсудками.

« Должно замѣтить еще, что новыя идеи въ политическихъ наукахъ добываются обыкновенно путемъ чистаго умозрѣнія и не могутъ быть предварительно, до принятія ихъ въ практикѣ, повѣрены фактами, какъ въ наукахъ естественныхъ. Надъ гражданскимъ обществомъ нельзя дѣлать опытовъ; здѣсь практика даетъ мало указаній и потому нужно довѣрять отвлеченнымъ выводамъ.

« Вообще политическій писатель имѣетъ дѣло еще съ внутреннимъ,—рѣже съ вѣшнымъ міромъ. Онъ долженъ устремить свое вниманіе преимущественно на мысли, чувства и страсти людей; законы физической природы имѣютъ къ нему болѣе отдаленное, посредственное отношеніе. Такимъ образомъ сфера государственныхъ наукъ при всей своей обширности однакоже менѣе доступна, для наблюденія и изслѣдованія, нежели область матеріи. »

Теперь понятно, почему эти науки развиваются такъ медленно. Но какъ ни важны указанныя препятствія, все же отсюда нельзя заключить вмѣстѣ съ скептиками, что политическая истина недоступна для ума. Конечно она закрыта отъ близорукихъ и ослѣпленныхъ своекорытіемъ людей, не видна враждебнымъ партіямъ среди яростной борьбы и въ дыму полемики, но безпристрастный и мыслящій человѣкъ найдетъ къ ней дорогу мимо предразсудковъ и своекорыстія. Выгоды отдѣльныхъ лицъ и сословій, конечно, играютъ важную роль при рѣшеніи государственныхъ вопросовъ и задерживаютъ самыя настоятельныя, спасительныя реформы, даже искажаютъ на время политическій смыслъ народа; но рано или поздно истина выходитъ наружу и проникаетъ въ общественное сознаніе. Какъ бы ни заблуждалась нація, если только она способна къ политическому развитію, въ ней найдетъ сила для борьбы съ частнымъ эгоиз-

момъ и невѣжествомъ во имя общаго блага, найдутся государственные люди, не зараженные предразсудками, съ благородными стремленіями и неподкупнымъ чувствомъ правды, съ чистымъ и широкимъ взглядомъ. Нужно ли доказывать это въ настоящее время, когда на нашихъ глазахъ великіе руководители образованныхъ народовъ одержали столько побѣдъ надъ обскурантизмомъ и упорствомъ партій? Если въ практической дѣятельности человѣкъ можетъ освободиться отъ одностороннихъ воззрѣній касты и поставить общественный интересъ выше частнаго, долгъ гражданина и пользу отечества выше личныхъ отношеній и связей, то въ наукѣ онъ еще независимѣе. Наука возвышаетъ и благораживаетъ умъ; въ ея вольной и широкой сферѣ духъ можетъ отрѣшиться отъ вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ, тяготѣющихъ надъ нимъ въ жизни, сбросить съ себя стѣснительныя оковы времени и мѣста. Въ области умозрѣнія человѣкъ дѣлается постороннимъ и потому болѣе спокойнымъ зрителемъ событій и окружающаго общества. Интересы, волнующіе политическаго дѣятеля, менѣе тревожатъ политическаго мыслителя, удаленнаго отъ шумной арены публичныхъ состязаній. Разумѣется, мы не думаемъ доказывать, что всѣ ученые приговоры безпристрастны: совершенная независимость сужденія, особенно когда дѣло касается живыхъ, близкихъ сердцу вопросовъ, есть довольно рѣдкое качество: оно принадлежитъ только великимъ публицистамъ. Но если многіе писатели извѣстнаго времени подчиняются авторитету господствующихъ партій, если въ газетныхъ статьяхъ и памфлетахъ мы находимъ часто кривые толки и узкіе, односторонніе взгляды,—отсюда нельзя еще заключить, что политическія науки, по самому свойству предмета, стѣсняютъ свободу ума, что въ нихъ господствуетъ личный интересъ. Такое обвиненіе несправедливо: истина обыкновенно вырабатывается избранными; летучіе листки и брошюры пишутся подъ впечатлѣніемъ минуты и не надолго сохраняютъ значеніе. Полемика конечно необходима для проясненія идей, но не составляетъ еще науки. У каждаго образованнаго народа можно найти писателей, которые изучаютъ законы и явленія общественной жизни *sine ira et studio*, безъ всякихъ безразсудковъ, не увлекаясь ни корыстными цѣлями, ни духомъ партій. Политическая литература Европы представ-

ляетъ не мало такихъ произведеній, которыми человѣческой умъ по справедливости гордится: они проникнуты самымъ высокимъ стремленіемъ къ истинѣ и добру, свободны отъ всякой нечистой примѣси и отличаются строгимъ объективнымъ направленіемъ; на нихъ почти нѣтъ слѣдовъ національности, не замѣтно внѣшняго вліянія, которое бы заставило автора съ намѣреніемъ искажать факты или вносить въ науку личные страсти. Имѣя въ виду такіе образцы, можно сказать съ увѣренностію, что каждый истинный публицистъ найдетъ въ себѣ нужную силу и самостоятельность для рѣшенія государственныхъ вопросовъ и возвысится надъ эгоистическими разсчетами и увлеченіями. Вообще нападки на писателей политическихъ слишкомъ преувеличены; они не такъ пристрастны, какъ думаютъ: имъ приходилось обыкновенно защищать чужой, а не собственный интересъ; наука заставляла ихъ дѣйствовать для *общаго* блага противъ *частныхъ* выгодъ и принесла имъ въ жизни не столько пользы, сколько страданій. «Публицисты, говоритъ Блеки, всегда сильнѣе сочувствовали народу, чѣмъ отдѣльнымъ его сословіямъ. Правда, нѣкоторые подавали руку помощи сильнымъ противъ слабыхъ, хитрымъ противъ довѣрчивыхъ и простыхъ, но такіе случаи сравнительно рѣдки. Даже тѣ писатели, которые ратовали противъ здраваго ученія, противъ свободы и прогресса, были вынуждены искать опоры въ чувствахъ, понятіяхъ и инстинктѣ человѣчества, потому что касались предмета, съ которымъ соединено общее благо, а противъ общаго блага открыто не возставалъ никто. Какъ ни разнообразны политическія теоріи,—все онѣ направлены къ тому, чтобы понять желанія и требованія человѣческой природы, способствовать счастію и пользѣ обществъ. Эта высокая цѣль занимаетъ консерваторовъ и прогрессистовъ, мечтателей и практиковъ, въ одинаковой степени (1).»

Упреки и жалобы на своекорыстіе публицистовъ кажутся еще страннѣе, если обратить вниманіе на слѣдующія слова того же писателя (2):

« Между всѣми сочиненіями наименѣе обязаны публичному

(1) *Blakey*, Introduction p. XXI, XXII.

(2) *Ibid.* p. XXII—XXIV.

или частному покровительству сочиненія политическія: напротивъ писатели этого рода по большой части подвергались преслѣдованіямъ и гоненіямъ. Каждая общественная истина пролагала себѣ дорогу сквозь толпы предубѣжденныхъ или апатическихъ слушателей, и отъ временъ Пивагора, бѣжавшаго изъ Аѳинъ, до послѣднихъ дней, борьба между корыстолюбивымъ невѣжествомъ и здравымъ знаніемъ не прекращалась ни на минуту, свирѣпствовала съ одинаковою силою. Поэтому всѣ публицисты въ совокупности заслуживаютъ отъ человѣчества высокой признательности и уваженія: они всегда стояли въ первыхъ рядахъ прогресса и практической свободы. Правда нѣкоторые изъ нихъ поддались соблазну и перешли на сторону угнетенія или невѣжества, но такихъ было немного; ихъ временное отпаденіе отъ здравыхъ началъ и патріотическихъ чувствъ не столько принесло вреда, сколько ускорило постепенное распространеніе истины; главные же двигатели идей и науки всегда оставались вѣрными своему призванію; это были люди благородные и безкорыстные; они стремились къ общему благу и распространяли свои начала при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, несмотря на неудовольствіе власти и ослѣпленіе народа. Каждая эпоха политической литературы имѣетъ своихъ мучениковъ, которые радостно принесли жизнь на жертву, защищая тѣ истины, которыя сдѣлались потомъ достояніемъ всего человѣчества.

« Мы иногда скорбимъ, и не безъ основанія, о судьбѣ нѣкоторыхъ философовъ, награжденныхъ за свои открытія въ наукѣ тюрьмою или плахою. Но обвиненіе Роджера Бэкона за волшебство или Галилея за теорію небесныхъ тѣлъ—исключительные, рѣдкіе случаи въ сравненіи съ тѣмъ, что выпало на долю политическихъ мыслителей. Надъ ними въ особенности разразилась злоба свѣта: они всегда и вездѣ были гонимы. Страданія отъ насмѣшки и презрѣнія толпы, испытываемыя учеными всякаго рода, ничего не значатъ въ совокупности передъ страданіями публициста. Онъ не только сносить неблагодарность, апатію и ненависть общества, но болѣе другихъ чувствуетъ надъ собою грозящую руку власти. Обладая вообще смѣлымъ и независимымъ духомъ и живымъ чувствомъ, онъ принужденъ вести борьбу, въ которой мало отрады и много горечи! Онъ почти всегда

стоитъ одинъ, впереди вѣка, безъ помощи. Ученныя общества не вѣнчаютъ его лаврами, сильные не оказываютъ ему содѣйствія, знатные покровители не предлагаютъ кошелька. Онъ Измаяльтянинъ между современниками: на него всѣ поднимаютъ руку; онъ долженъ безпрестанно отражать удары; ему нѣтъ награды при жизни и почести при смерти.»

Съ этимъ замѣчаніемъ многіе быть-можетъ не совсѣмъ согласятся. Дѣйствительно, у каждаго народа и во всякое время можно найти публицистовъ, которые льстятъ страстямъ и предрасудкамъ толпы; мѣняють свои убѣжденія, смотря по обстоятельствамъ, въ благоразумной предусмотрительности преклоняются передъ могуществомъ и, работая исключительно для собственной выгоды, пользуются незаслуженною славою патріотовъ, ноносятъ почетное имя наставниковъ народа. Но не къ нимъ относятся приведенныя слова: люди этого разряда никогда не были и не могутъ быть двигателями великой идеи. Блещутъ здѣсь политическихъ мыслителей, которые уважали святость своего призванія, трудились для дѣйствительной пользы обществъ и служили истинѣ честно: имъ въ особенности обязаны много государственныя науки, какъ видно изъ исторіи; на такихъ писателей всегда можно сослаться, какъ на живыя доказательства того, что человѣческій умъ способенъ обсуживать политическіе вопросы вполне самостоятельно и независимо отъ личнаго интереса.

Но допустимъ, говорятъ скептики, полную свободу политическаго изслѣдованія: во всякомъ случаѣ оно останется отвлеченнымъ, потому что надъ гражданскимъ обществомъ нельзя дѣлать опытовъ. Въ этомъ возраженіи есть извѣстная доля правды, но оно дѣлается обыкновенно съ тою цѣлію, чтобы доказать недовѣрность политическихъ наукъ и унижить ихъ значеніе. Не имѣя здѣсь мѣста для спора съ возражателями о предметѣ, который требуетъ обширнаго трактата, мы представимъ только главные ихъ доводы и ограничимся съ своей стороны самыми краткими замѣчаніями (1). Основная мысль скептиковъ состоитъ,

(1) Чтобы удовлетворительно отвѣчать на приведенное возраженіе, нужно было бы сдѣлать критическую оцѣнку главныхъ методовъ полити-

какъ мы сказали, въ томъ, что въ политикѣ нельзя дѣлать предварительныхъ опытовъ и слѣдовательно нельзя убѣдиться въ истинѣ добытыхъ результатовъ. Но какихъ опытовъ требуютъ возражатели? Если они хотятъ подвергнуть государство химическому анализу, или вообще обращаться съ нимъ, какъ съ неодушевленной массою, то, конечно, принуждены будутъ отказаться отъ изслѣдованія. Гражданское общество не есть машина, не носитъ на себѣ никакихъ признаковъ физическаго тѣла; не имѣетъ свойствъ матеріи, а потому объ немъ нельзя судить, какъ мы судимъ о внѣшней природѣ. Но если оно не осязательно, если къ нему не прилагаются научные опыты (*experimenta lucifera*), неужели отсюда слѣдуетъ, что оно недоступно для человѣка? Развѣ политическіе факты и явленія лежатъ внѣ сферы нашихъ чувствъ? Развѣ они закрыты, не видны для простаго глаза? Эти вопросы не требуютъ отвѣта; каждый согласится, что государство—не призракъ, что его можно наблюдать со всѣхъ сторонъ въ дѣйствительности. Искусственные приемы естествоиспытателя здѣсь не требуются, не идутъ къ дѣлу и не принесутъ пользы; простое наблюденіе и размышленіе впослѣ достаточно для достиженія цѣли. Натуралистъ спрашиваетъ внѣшнюю природу

ческаго наблюденія и размышленія. Лучшее и, сколько намъ извѣстно, единственное въ своемъ родѣ по ясности и полнотѣ, сочиненіе объ этомъ предметѣ написано нынѣшнимъ канцлеромъ казначейства (министромъ финансовъ) Англіи, Корнваллемъ Льюизомъ (Cornewall Lewis) и издано въ Лондонѣ, въ 1852 г., подъ заглавіемъ: a treatise on methods of observation and reasoning in politics (2 vols). Оно, по справедливости, считается образцовымъ произведеніемъ современной политической литературы; авторъ выказалъ здѣсь изумительную, всестороннюю ученость: повидимому, ему одинаково извѣстны науки естественныя и общественныя, философія и классическая литература, исторія и филологія; онъ приводитъ и сравниваетъ между собою результаты, добытые въ разныхъ отрасляхъ знанія, на каждомъ шагѣ ищетъ аналогіи, дѣлаетъ сближенія. Имѣя неисчерпаемый запасъ свѣдѣній, Корнвалль Льюизъ могъ смѣло принять на себя трудную задачу повѣрки общественныхъ истинъ, за которую до тѣхъ поръ не брался никто изъ публицистовъ, и дѣйствительно на него можно смотрѣть, какъ на лучшаго представителя политической критики. Онъ конечно не исчерпалъ обширнаго предмета до конца, а только открылъ дорогу, положилъ основаніе къ изслѣдованіямъ подобнаго рода, но, во всякомъ случаѣ, сдѣлалъ вѣрную оцѣнку успѣховъ человѣческаго разума

посредствомъ опытовъ, потому что она нѣма; но эта метода не дастъ никакихъ результатовъ при рѣшеніи политическихъ вопросовъ: съ помощію пытки нельзя узнать истины; такой способъ изслѣдованія оказался недостовернымъ, не говоря о другихъ его послѣдствіяхъ. Но если научные опыты неприменимы къ обществу, если надъ нимъ нельзя дѣлать предварительной пробы по свойству предмета, во всякомъ случаѣ наука отъ этого не страдаетъ. Она имѣетъ другія средства для повѣрки и приложенія идей; политическая жизнь устроена такимъ образомъ, что человѣкъ можетъ понять ея законы и отличить полезное отъ вреднаго, какъ въ теоріи, такъ и въ дѣйствительности, не употребляя тѣхъ орудій къ открытію истины, какія употребительны въ физикѣ, или въ астрономіи. Государство само по себѣ подвергается испытаніямъ, изъ которыхъ наука извлекаетъ твердыя начала для мысли и дѣйствія. Кромѣ чрезвычайныхъ событій, внѣшнихъ или внутреннихъ, которыя могутъ раскрыть всѣ части и пружины общественнаго организма, и которыми замѣняется *experimentum luciferum*, въ политикѣ безъ

съ практической точки зрѣнія. Вообще, какъ Англичанинъ, послѣдователь Бэкона и государственный человѣкъ, Корнвалль Льюизъ, можетъ-быть, уже слишкомъ далеко простираетъ свою недовѣрчивость къ теоріи, къ отвлеченнымъ выводамъ, и держится болѣе положительнаго направленія, но онъ не отвергаетъ универсальнаго элемента въ наукѣ, общечеловѣческаго значенія высшихъ ея началъ. Мы надѣемся со временемъ больше познакомить публику съ содержаніемъ его знаменитаго трактата, чтобы и другія сочиненія ученаго министра сдѣлались извѣстными у насъ, потому что они приобрѣли большую извѣстность во всей Европѣ и авторитетъ въ наукѣ. Изъ нихъ особенно замѣчательны: изслѣдованіе *о колоніальномъ управленіи* (*On government of dependencies. Lond. 1843*), *о происхожденіи романскихъ нарѣчій* (1844); *о вліяніи авторитета на мнѣніе* (*Influence of authority in matters of opinion*), и наконецъ изданные въ прошломъ году два тома изысканій о древней римской исторіи. Читатель видитъ отсюда, какъ равнообразна ученая дѣятельность Корнв. Льюиза; въ этомъ отношеніи изъ государственныхъ людей съ нимъ можно сравнить только лорда Брума, который теперь издаетъ свои сочиненія, относящіяся ко многимъ отраслямъ знанія, именно къ философіи, политикѣ, исторіи, юриспруденціи, математикѣ и естественнымъ наукамъ.

престанно производятся особеннаго рода опыты, для практических цѣлей (*experimenta fructifera*) (1). Правительство, по самому призванію своему, не можетъ обойтись безъ опытовъ такого рода, говоритъ Корнвалль Льюизъ: всѣ реформы, всѣ новые законы имѣютъ характеръ временныхъ мѣръ, пока польза ихъ не доказана на практикѣ. При измѣненіи существующаго порядка, неизбѣжны предварительныя пробы надъ обществомъ: къ нововведеніямъ должно приступать съ осторожностью, мало-помалу: крутые перевороты всегда опасны; лучше идти болѣе вѣрною и твердою дорогою мирныхъ, постепенныхъ преобразований (2). Опыты эти имѣютъ значеніе не только для государства, въ которомъ они предприняты, но и для науки: они доставляютъ ей драгоцѣнныя матеріалы и указанія. Въ практикѣ дѣлаются иногда важныя открытія, вырабатываются великія истины; самыя ошибки предостерегаютъ публициста отъ крайнихъ, одностороннихъ теорій и служатъ ему полезнымъ пособіемъ при оцѣнкѣ результатовъ, добытыхъ посредствомъ умозрѣнія.

Вообще политическія науки не имѣютъ такого исключительно отвлеченнаго характера, какъ думаютъ возражатели. Если публицистъ не можетъ дѣлать предварительныхъ опытовъ надъ государствами, это еще не отнимаетъ у него другихъ, не менѣе надежныхъ, способовъ доказательства: передъ нимъ открыта обширная сфера наблюденія и практики; онъ можетъ наглядно изучать и сравнивать между собою различныя общества, слѣдить за политическими явленіями и наконецъ, повѣрять истину въ исторіи. Конечно, нѣкоторыхъ писателей можно упрекать въ мечтательномъ направленіи; они чуждались дѣйствительнаго міра и строили идеальныя государства; но крайности и утопіи встрѣчаются не въ одной политикѣ; естествознаніе также имѣло астрологовъ и алхимиковъ. Скептики, кажется, забываютъ, что развитіе государственныхъ наукъ всегда шло двоякимъ путемъ умозрѣнія и практики, что новыя идеи вырабатывались какъ *a priori*, такъ и съ помощію опыта, и что публицисты рѣшали не только

(1) Вопросъ о приложеніи опыта къ политикѣ основательно разрѣшенъ К. Льюизомъ. Мы приводимъ здѣсь главные его заключенія. *On methods of observation* 1, Chap. IV, p. 152—180.

(2) *Ibid.* p. 173, 174.

отвлеченныя задачи, но еще болѣе вопросы жизни. Итакъ, приведенное возраженіе не разрушаетъ достоинства науки. Оно несправедливо только въ такомъ случаѣ, еслибы скептики доказали, что нѣтъ никакой возможности повѣрить наглядно политическія истины. Но трудно кого-нибудь убѣдить въ этомъ: факты говорятъ противное. Мы видимъ въ исторіи, съ какимъ успѣхомъ борется человѣкъ противъ тѣхъ препятствій, которыя, по словамъ возражателей, неодолимы, — какъ съ развитіемъ гражданственности наука и практика тѣсно сближаются и дѣлаютъ заимствованія одна у другой.

Мы бы могли ограничиться здѣсь этими немногими замѣчаніями и прекратить споръ, который можетъ казаться если не безплоднымъ и дѣтскимъ, то во всякомъ случаѣ утомительнымъ образованному читателю. Дѣйствительно многіе нападенія скептиковъ не заслуживаютъ отвѣта, и мы не будемъ на нихъ останавливаться. Но такъ какъ недовѣріе къ политическимъ наукамъ вкоренилось глубоко, проникло въ общество, и въ самую жизнь, то мы не въ правѣ уклониться отъ полемики, и смотрѣть на возражателей свысока; между ними встрѣчаются люди съ умомъ и почтенными убѣжденіями. Притомъ же теперь политическій скептицизмъ сдѣлался нѣсколько умѣреннѣе въ своихъ взглядахъ и требованіяхъ; онъ не отвергаетъ вовсе способности человѣка обсуживать, на основаніи разума и опыта, законы и явленія общественной жизни, не возстаетъ противъ знанія и высказываетъ сомнѣніе только относительно высшихъ началъ науки. Въ природѣ, говорятъ современные скептики, можно наблюдать постоянныя явленія и универсальныя силы; она всегда вѣрна самой себѣ, подчинена непреложнымъ законамъ, и потому-то естествознаніе приводитъ насъ къ точнымъ результатамъ. Напротивъ въ политическомъ мірѣ нѣтъ ничего твердаго и неподвижнаго, а все измѣнчиво; здѣсь производу открытъ широкій просторъ; здѣсь законы и учрежденія не одинаковы, самое устройство обществъ разнообразно, и то, что полезно одному народу, оказывается вреднымъ для другаго. Слѣдовательно напрасны всѣ попытки публицистовъ возвыситься до общечеловѣческихъ идей. Какую бы методу мы ни прилагали къ государству, она даетъ намъ указанія и правила, вѣрныя и годныя только для опредѣленнаго народа и извѣстной эпохи. Всѣ полити-

ческія истины имѣютъ относительный, національный характеръ и временный авторитетъ; что же касается до такъ-называемыхъ высшихъ началъ, они не выдерживаютъ критики и, при повѣркѣ, оказываются излишними. Политическія науки лишены единства и потому безсильны во всеобщихъ результатахъ; здѣсь нужно отказаться отъ всемірной точки зрѣнія и ограничить область изысканій болѣе тѣсными географическими предѣлами.

При первомъ взглядѣ на это возраженіе, должно признаться, что оно основательнѣе и серіознѣе другихъ. Въ самомъ дѣлѣ политическія науки далеко еще не достигли совершенства; пылливый умъ не находитъ въ нихъ полного удовлетворенія, яснаго отвѣта на всѣ вопросы; самые великіе писатели испытываютъ невольный скептицизмъ, особенно при изслѣдованіи высшихъ началъ. Сколько вѣковъ работали публицисты надъ изученіемъ государства, и сколько еще остается имъ сдѣлать, чтобы постигнуть его природу! Такъ недостаточны результаты, добытые до настоящаго времени тяжелымъ, долготѣннымъ, непрерывнымъ трудомъ! Человѣкъ не можетъ сказать, что онъ понялъ законы, свойства и видоизмѣненія общественнаго организма: онъ безпрестанно дѣлаетъ ошибки, показывающія слабость знанія и опыта, идетъ ощупью, и за каждый шагъ впередъ приносить дорогія жертвы. Многія истины, провозглашенныя мыслителями съ горячимъ убѣжденіемъ, не выдержали критики времени и оказались шаткими: многія учрежденія и законы, которыхъ польза была, повидимому, дознана, не принесли потомъ ожидаемаго результата и обманули всеобщія надежды; нѣкоторыя прежде благотворныя мѣры становились послѣ, при другихъ обстоятельствахъ, гибельными. Видя кругомъ такое разрушеніе и неудачи, не лучше ли отказаться отъ общечеловѣческихъ воззрѣній и разрабатывать государственныя науки чисто для мѣстныхъ цѣлей? Чѣмъ ограниченнѣе область наблюденія и размышленій, тѣмъ точнѣе и вѣрнѣе будутъ научные выводы, по словамъ возражателей, слѣдовательно, тѣмъ больше пользы можно ожидать отъ изслѣдованія.

Но прежде нежели мы допустимъ такой взглядъ на политическія науки, считаемъ необходимымъ вникнуть въ ихъ природу. Мы уже имѣли случай убѣдиться, что нападенія скептиковъ преувеличены; можетъ-быть и въ этомъ случаѣ они заходятъ слиш-

комъ далеко. Дѣйствительно, какъ ни сильны приведенные доводы, однакоже они склонили на свою сторону немногихъ политическихъ писателей: какъ ни шатки общія начала, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, наука упорно и неослабно ихъ преслѣдуетъ. Самые положительные умы не отказываются отъ размышленія, по крайней мѣрѣ дѣлаютъ на основаніи фактовъ выводы, изучаютъ и сравниваютъ законы различныхъ народовъ съ тѣмъ, чтобы отдѣлить въ нихъ общечеловѣческій элементъ отъ національнаго. Даже тѣ школы публицистовъ, которыя проповѣдуютъ вражду ко всякой идеѣ, незаметно, какъ бы противъ воли, вырабатываютъ идеи. Это стремленіе доказываетъ, что познавательную способность нельзя заключить въ тѣсныя географическія предѣлы. Въ каждой наукѣ, кромѣ мѣстныхъ истинъ, человѣкъ ранѣе или позже, но непременно будетъ искать истинъ универсальныхъ. Политическія науки не составляютъ исключенія изъ этого неизмѣннаго правила; дѣло только въ томъ, что *здѣсь нужно имѣть въ виду внѣшнія условія, которымъ подчинены общества и которыя не имѣютъ почти никакого отношенія къ другимъ отраслямъ знанія.* Эти условія мы должны разсмотрѣть со вниманіемъ, потому что на нихъ преимущественно основано разбираемое возраженіе.

Содержаніе политическихъ наукъ можно опредѣлить въ немногихъ словахъ: онѣ разсматриваютъ жизнь человѣка въ государствѣ; задача ихъ состоитъ въ изслѣдованіи этого сложнаго организма, его составныхъ частей и законовъ. Между тѣмъ одно всемірное государство, по физическимъ и нравственнымъ причинамъ, невозможно на землѣ; разныя племена образуютъ множество отдѣльныхъ политическихъ союзовъ, которыхъ устройство зависитъ отъ духовныхъ качествъ, хозяйственныхъ отношеній и исторіи народовъ. Вліяніе этихъ элементовъ отражается на каждомъ обществѣ; они не только создаютъ, но и подвигаютъ его впередъ, по мѣрѣ развитія націи. Каждой ступени гражданского быта соотвѣтствуетъ извѣстная государственная форма. Она, разумѣется, можетъ остаться неподвижно только до тѣхъ поръ, пока не измѣнились цѣли и средства, которыя положены въ ея основаніе. Но съ теченіемъ времени возникаютъ новыя требованія жизни, новыя идеи, и устарѣвшій порядокъ оказывается несостоятельнымъ, требуетъ измѣненій, преобразованій или же подвергается насильственнымъ переворотамъ. Такъ новая религія дѣлаетъ совер-

шенно невозможными прежніе законы и учрежденія политическаго союза. Стоитъ только вспомнить, какія перемѣны произвело христіанство въ обществахъ, какая разница между древними, средневѣковыми и новоевропейскими понятіями о гражданскихъ обязанностяхъ, какое вліяніе имѣла мусульманская вѣра на форму правленія и устройство семейства. Иногда одно великое открытіе можетъ подать поводъ къ кореннымъ реформамъ въ государствѣ. Сюда принадлежитъ, напримѣръ, тѣ великія изобрѣтенія, которыя даютъ другое направленіе общественной дѣятельности, посредствомъ которыхъ вводятся въ жизнь новыя, прежде невѣдомыя силы. Нужно ли говорить здѣсь о томъ, какіе политическіе результаты для Европы произвело изобрѣтеніе пороха, компаса, книгопечатанія? Наконецъ, кто не видитъ въ настоящее время могущественнаго дѣйствія пароходства и желѣзныхъ дорогъ на гражданскій оборотъ и сношенія между людьми? Но мы не имѣемъ надобности пускаться въ частныя изслѣдованія. Приведенные примѣры уже достаточны для того, чтобы понять, на сколько справедливы нападенія скептиковъ. Никто не будетъ отрицать, что устройство и развитіе обществъ зависитъ въ значительной степени отъ внѣшнихъ условій и подчиняется сложнымъ требованіямъ постоянной и разнообразной жизни. *Каждому понятно, что движеніе государственныхъ наукъ состоитъ въ самой близкой, непосредственной связи съ исторіею человѣчества и отдѣльныхъ народовъ,* что политическія идеи вырабатываются подъ вліяніемъ мѣстныхъ обстоятельствъ, современныхъ отношеній. Но какъ ни велико это вліяніе, отсюда нельзя еще заключить, какъ дѣлаютъ возражатели, что наука совершенно лишена единства, авторитета и сціентифическаго достоинства. Разумѣется, если сравнить результаты, добытые публицистами, съ тѣмъ, что сдѣлано, напримѣръ, по части естествознанія, преимущество можетъ быть останется на сторонѣ послѣдняго. Но здѣсь нужно обратить вниманіе на свойство предмета и на постороннія причины, замедляющія развитіе знанія. Внѣшняя природа и государство существенно различаются между собою: физическій міръ остается неподвижнымъ и не зависитъ отъ человѣческихъ отношеній; его законы могутъ быть поняты, какъ только сдѣланы вѣрныя наблюденія и объяснены съ точностію факты; здѣсь однородныя явленія повторяются. Напротивъ въ мірѣ политическомъ нѣтъ повтореній;

матеріалъ для науки непрерывно обогащается новыми фактами; общія начала безпрестанно требуютъ пересмотра и повѣрки вслѣдствіе переворотовъ и историческихъ событій; здѣсь, среди вѣчнаго движенія и разнообразныхъ явленій, трудно разгадать причины и слѣдствія, отличить постоянное отъ скоропреходящаго, необходимое и всеобщее отъ произвольнаго и частнаго.

Принимая въ соображеніе всѣ указанныя обстоятельства, можно объяснить, почему политическія науки подвигаются впередъ медленно и съ трудомъ, почему въ нихъ такъ возможны ошибки и противорѣчія, почему до сихъ поръ онѣ не достигли совершенства въ высшихъ началахъ. Исторія этихъ наукъ рѣзко отличается отъ исторіи другихъ отраслей знанія. Математика, астрономія, медицина и пр., представляютъ въ своемъ послѣдовательномъ развитіи одно стройное и связанное цѣлое: здѣсь все исходитъ и движется отъ одной точки къ извѣстной цѣли. Конечно наука иногда останавливается, идетъ ложною дорогою, даже совершенно гибнетъ у нѣкоторыхъ народовъ; но во всякомъ случаѣ пріобрѣтенныя свѣдѣнія гдѣ-нибудь сохраняются и не могутъ исчезнуть съ лица земли; новые дѣятели непремѣнно усваиваютъ себѣ послѣдній результатъ, добытый предшественниками. Напротивъ исторія наукъ государственныхъ не имѣетъ такого систематическаго характера и строго логическаго хода: въ ней, повидимому, нѣтъ связи и послѣдовательности въ разработкѣ извѣстныхъ идей—здѣсь дѣятельность умовъ какъ будто направлена въ разныя стороны; теоріи создаются и разрушаются съ неимоверною быстротою; каждый народъ избираетъ особенную дорогу и стремится выполнить свою политическую задачу согласно съ мѣстными условіями, болѣе или менѣе съ оригинальной точки зрѣнія. Отсюда происходитъ необыкновенное разногласіе при рѣшеніи вопросовъ. Уклоненіе и аномаліи встрѣчаются почти на всякомъ шагѣ; противоположныя или по крайней мѣрѣ съ трудомъ согласимыя между собою идеи преслѣдуются въ различныхъ государствахъ; *быстрое и рѣшительное движеніе впередъ замѣтно только на разныхъ ступеняхъ общественнаго быта.* Математическія и естественныя науки, достигнувъ извѣстнаго развитія, не возвращаются назадъ; единство истины въ нихъ ощутительно для всѣхъ временъ и народовъ, напротивъ, въ политическихъ наукахъ существу-

ютъ въ одно и тоже время, независимыя одна отъ другой системы, и каждая изъ нихъ сама по себѣ относительна и условна. Общественныя истины, выработанныя однимъ народомъ, имѣютъ непосредственное значеніе и практическую цѣнность только для него одного, и при томъ до тѣхъ поръ, пока его политическій бытъ не измѣнился. Слѣдующая за тѣмъ нація начинаетъ не тамъ, гдѣ окончила отжившая, но сызнова. Всякій рѣшительный переворотъ въ жизни и устройствѣ общества производитъ извѣстное колебаніе въ наукѣ; она тѣсно связана съ судьбою отдѣльных племенъ, и при разрушеніи государствъ не только теряетъ подъ собою твердую опору, но иногда совершенно гибнетъ. Потрясенія и бури обыкновенно уносятъ съ собою часть политическаго капитала, и то, надъ чѣмъ трудились столѣтія, утрачивается въ большей или меньшей степени для потомства.

Итакъ должно согласиться, что элементъ разнообразія всегда будетъ силенъ въ государственныхъ наукахъ, что внѣшнія условія, которымъ подчинены народы, имѣютъ неоспоримое вліяніе на разработку политическихъ идей. Но современные скептики не въ мѣру преувеличиваютъ значеніе мѣстныхъ и историческихъ обстоятельствъ и приносятъ имъ въ жертву всѣ общественныя истины. Этотъ взглядъ особенно распространенъ въ настоящемъ столѣтіи и напелъ сочувствіе даже между нѣкоторыми публицистами; когда теоріи XVIII вѣка были разрушены критикою, представители науки какъ будто потеряли довѣріе къ наукѣ и почти отказались отъ высшихъ ея началъ. Одна крайность породила другую; отъ поклоненія разуму всѣ перешли къ разочарованію. Намъ кажутся подобныя сомнѣнія неосновательными и временными: они происходятъ отъ случайныхъ неудачъ и объясняются характеромъ эпохи. Обозрѣвая исторію политическихъ наукъ *въ цѣлости*, мы не находимъ причинъ отчаяваться въ успѣхѣ знанія и въ твердости истинъ. Результаты, добытые отдѣльными народами, въ тотъ или другой періодъ, разумѣется, могутъ казаться неудовлетворительными и односторонними съ общечеловѣческой точки зрѣнія; прогрессъ совершается въ косвенныхъ и неправильныхъ линіяхъ и по временамъ какъ бы ускользаетъ отъ нашихъ глазъ. Но несмотря на уклоненія, противорѣчія и несовершенства въ частностяхъ, должно согласиться, что *человѣчество, въ лицѣ передовыхъ своихъ органовъ, стремится къ лучшему*

общественному состоянію и постепенно *приобрѣтает* твердыя политическія начала для мысли и дѣйствія. Конечно, государственныя науки въ сравненіи съ другими, напимѣръ съ естественными, могутъ казаться подвижными, условными, и пока неимѣютъ еще всемірно-практическаго приложенія, потому что далеко не всѣ народы находятся на одинаковой ступени общественнаго быта, но тѣмъ не менѣе въ нихъ вырабатывается *элементъ единства*. Мы думаемъ, что теперь онъ уже достаточно выяснился, хотя, разумѣется, окончательная его разработка принадлежитъ будущему. Не входя преждевременно въ подробности, позволяемъ себѣ сдѣлать нѣсколько самыхъ краткихъ замѣчаній для доказательства этой мысли.

Общія начала въ политическихъ наукахъ могутъ быть выведены вопервыхъ изъ природы человѣческой; ея требованія и законы всегда и вездѣ одинаковы и неизмѣнны; она вѣрна самой себѣ и высказывается извѣстнымъ образомъ при всѣхъ обстоятельствахъ и условіяхъ общественной жизни. Не нужно быть слишкомъ глубокимъ наблюдателемъ и философомъ, чтобы замѣтить сходство политическихъ явленій въ разныхъ государствахъ: оно происходитъ именно отъ того, что всѣмъ народамъ даны однѣ способности, чувства и побужденія, которыхъ ничто не можетъ уничтожить. Отсюда же объясняется, почему общественныя задачи извѣстнаго рода вездѣ рѣшаются одинаковымъ образомъ, несмотря на вліяніе внѣшнихъ условій, несмотря на видимую разнотеленность племенъ, отчего даже въ учрежденіяхъ и обычаяхъ отдаленныхъ народовъ такъ много общаго. Только поверхностный умъ можетъ здѣсь видѣть игру слѣпаго случая или произвола; но чѣмъ ближе будемъ мы присматриваться къ политической жизни, чѣмъ глубже вникнемъ въ ея устройство, тѣмъ болѣе убѣдимся, что она подчинена высшимъ законамъ. Самыя перемѣны въ ней совершаются правильно и имѣютъ внутреннюю причину, то-есть происходятъ отъ врожденнаго разумнымъ существамъ стремленія къ прогрессу. Такимъ образомъ одна изъ самыхъ важныхъ и трудныхъ задачъ публициста состоитъ въ раскрытіи тѣхъ физическихъ и духовныхъ силъ, качествъ и потребностей человѣка, отъ которыхъ зависитъ существованіе и цѣль государства: иначе нельзя понять органическихъ законовъ общества. Вотъ почему политическіе писатели съ древнѣйшихъ вре-

мень занимались глубокимъ изслѣдованіемъ человѣческой природы, и, хотя шли къ своей цѣли разными, не всегда вѣрными путями, но, вообще говоря, трудились не безплодно. Только упорный обскурантъ будетъ отрицать ихъ заслуги и считать потеряннымъ трудъ вѣковъ и народовъ; безпристрастный судья согласится, что несмотря на увлеченія и ошибки, публицисты въ значительной степени прояснили общественную истину. Конечно усилія разума далеко еще не увѣнчались полнымъ, всестороннимъ успѣхомъ; въ этомъ отношеніи будущему предстоитъ сдѣлать много открытій, исправить погрѣшности, дополнить пробѣлы, но несмотря на это, можно сказать безъ преувеличенія, что *въ совокупности* государственныя науки уже достигли достаточной твердости внутреннего единства. Въ частностяхъ и отдѣльных вопросахъ конечно разногласіе существуетъ; но въ высшихъ началахъ постепенно вырабатывается одно общечеловѣческое убѣжденіе; въ каждой отрасли политическаго знанія добытый *a priori* и подтверждены опытомъ извѣстные, всѣми признаваемые аксіомы, противъ которыхъ трудно спорить: онѣ оказались непогрѣшительными вездѣ, потому что основаны на неизмѣнныхъ, хотя и невидимыхъ законахъ самой природы, дѣйствующихъ во всякомъ обществѣ.

Но однѣ, такъ называемыя высшія аксіомы (всемірныя политическія истины), безъ сомнѣнія, не могутъ казаться вполне удовлетворительными для испытующаго ума и плодотворными для практическаго дѣятеля: число ихъ не велико; самое положеніе отдѣльныхъ поколѣній дотого разнообразно, что нужно быть очень осмотрительнымъ въ отвлеченныхъ выводахъ и въ генерализаціи (обобщеніи). Несравненно сильнѣе государственныя науки въ *аксіомахъ среднихъ* (*axiomata media*), подъ которыми разумѣются истины, прилагаемыя если не ко всему человѣчеству, то по крайней мѣрѣ ко многимъ народамъ, стоящимъ болѣе или менѣе на одинаковой ступени развитія, сходнымъ по происхожденію, вѣрѣ, законамъ и обычаямъ. Твердость и практическій авторитетъ этихъ началъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Дѣйствительно внѣшнія условія, которыя имѣютъ вліяніе на политическую жизнь, при всей ихъ сложности, могутъ быть приведены къ единству. Сходство между народами зависитъ не только отъ общечеловѣческаго типа, который они на себѣ носятъ, но и отъ другихъ

причинъ; они сближаются между собою по самому географическому положенію и вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ; соплеменность, одинаковая религія, образованіе и форма правленія сильно содѣйствуютъ этому сближенію. Такимъ образомъ въ отдѣльныхъ государствахъ нерѣдко встрѣчаются одни и тѣ же элементы, въ которыхъ наука находитъ для себя твердую опору. Отсюда объясняется, почему публицисты, при рѣшеніи вопросовъ законодательства и экономіи, по большей части явно или подразумеваемо, имѣютъ въ виду христіанскій міръ или поколѣнія, принадлежащія къ европейской цивилизаціи. Строго говоря, только для этихъ поколѣній имѣютъ прямой, непосредственный авторитетъ политическія истины въ настоящее время; что касается до прочихъ народовъ, то они живутъ при иныхъ условіяхъ; ихъ характеръ и общественный бытъ дотого разнообразны, что въ нихъ труднѣе подмѣтить общія черты. Здѣсь мы встрѣчаемъ нѣсколько видовъ или группъ, которые должны быть разсматриваемы особо, а не могутъ быть поставлены на одну точку съ государствами передовыми или достигшими болѣе высокой ступени развитія.

Итакъ среднія аксіомы имѣютъ относительное значеніе. Но это нѣсколько не уменьшаетъ ихъ достоинства: ограниченія необходимы не въ однѣхъ политическихъ наукахъ. Развѣ натуралистъ и медикъ не принимаютъ въ соображеніе времени и мѣста, не отличаютъ родовъ и видовъ? Всякая человѣческая истина подчинена условіямъ и модификаціямъ; пословица не даромъ говоритъ, что «нѣтъ правила безъ исключенія». Если мы станемъ на высоту вѣчной, абсолютной идеи, то ни одна наука не выдержитъ критики и не покажется намъ точною. Въ каждой области знанія надобно искать возможнаго, доступнаго, относительно совершеннаго. Съ этой точки зрѣнія общіе результаты, о которыхъ мы говоримъ, кажутся намъ драгоценнымъ пріобрѣтеніемъ для науки; въ нихъ заключается самая сильная ея сторона. Низшія аксіомы (*axiomata infima*), замѣчаетъ Бэконъ, не имѣютъ почти никакой разницы отъ указаній простаго опыта; высшія же и универсальныя (*suprema et generalissima*) слишкомъ отвлеченны и не совсѣмъ ясны и отчетливы, и потому не вполне удовлетворительны; напротивъ, на среднихъ, какъ на живыхъ и твердыхъ началахъ,

основана наша жизнь (1). Мы находимъ это замѣчаніе совершенно справедливымъ, въ особенности относительно политическихъ наукъ: онѣ непосредственно предназначены для жизни и не могутъ быть отдѣлены отъ ней; государственные люди и публицисты всегда искали въ нихъ наставленій для сознательной дѣятельности на пользу обществъ. Если наука давала удовлетворительный отвѣтъ на эти требованія, если подъ ея руководствомъ образованные народы рѣшали практическія задачи, значить она уже достигла въ извѣстной степени своей цѣли, хотя бы признанныя ею начала не приобрѣли еще всемірнаго авторитета. Разработка среднихъ аксіомъ показываетъ такимъ образомъ успѣхи разума: онѣ находятъ въ нихъ твердую точку опоры, опредѣленное плодотворное знаніе, котораго нельзя приобрести однимъ изученіемъ рутины, или чисто-отвлеченными умствованіями.

Но если результаты, добытые современною наукою, имѣютъ авторитетъ преимущественно для европейско-христіанскаго міра, отсюда не слѣдуетъ, чтобы другіе народы не могли въ послѣдствіи ими воспользоваться. Только тѣ отчаянные скептики, которые признаютъ непроизводительнымъ всякій умственный трудъ, допускаютъ подобный взглядъ; что касается до насъ, —мы далеки отъ этого мнѣнія. Конечно, каждое общество вырабатываетъ политическія идеи прежде всего для себя, и значительная часть политическаго капитала гибнетъ вмѣстѣ съ государствами, среди переворотовъ; конечно измѣненіе условій жизни дѣйствуетъ на законы и учрежденія: но не менѣе справедливо и то, что общечеловѣческая истина воспринимается новыми поколѣніями, и раньше или позже, положительно или отрицательно, приноситъ имъ пользу. Такъ по крайней мѣрѣ говоритъ исторія. Мы видимъ изъ ней, что опытъ и наука Грековъ и Римлянъ, которые были передовыми народами древности, не были утрачены для Европы, что начала европейской гражданственности становятся мало-по-малу достояніемъ другихъ частей свѣта. Основываясь на этихъ знаменательныхъ фактахъ и принимая въ расчетъ успѣхи

(1) *Novum Organum* I, aphor. 69, 104. Какимъ образомъ могутъ быть построены среднія аксіомы въ отдѣльныхъ политическихъ наукахъ, объ этомъ подробно и основательно разсуждаетъ Корнвалль Льюизъ. *On methods of observation and reasoning in politics*. II, Chapt. XVI, XVII.

колонизації и сношеній, мы не только не имѣемъ повода думать, что политическія истины, надъ которыми столько вѣковъ трудятся христіанскіе народы, будутъ потеряны и, не оставивъ слѣда, исчезнутъ, но напротивъ можемъ питать отрадное вѣрованіе, что онѣ послужатъ живительнымъ элементомъ всемірнаго прогресса и возведутъ къ лучшему общественному состоянію человѣческой родъ. Судя по прошедшему, также видно, что дѣйствіе внѣшнихъ условій, тяготящихся надъ народами, слабѣетъ по мѣрѣ того, какъ идетъ впередъ образованіе, и что націи, способныя къ развитію, правда медленно, косвенными путями, но неотразимо поднимаются къ единству, то-есть становятся подъ одинъ политическій уровень. Если до сихъ поръ это не осуществилось на цѣлой землѣ, причинъ должно искать не въ безсиліи разума или науки, но въ высшихъ законахъ, управляющихъ судьбою человечества. Окончательное раскрытіе этихъ законовъ принадлежитъ будущему.

Итакъ, чтобы замѣтить прогрессъ въ политическихъ наукахъ, нужно отдѣлить общечеловѣческій элементъ отъ національнаго и передовые народы отъ народовъ, находящихся на низшей ступени гражданскаго быта. Скептики не обращаютъ на это вниманія; они или смѣшиваютъ общества въ одну безразличную массу, или же рассматриваютъ отдѣльныя государства и эпохи отрывочно, безъ связи. Оттого-то успѣхи разума кажутся имъ невѣрными, знаніе бесплоднымъ, политическое усовершенствованіе несбыточнымъ; они думаютъ, что всѣ истины живутъ и умираютъ вмѣстѣ съ государствомъ, въ которомъ онѣ родились. Мы думаемъ напротивъ, что каждый историческій народъ добываетъ и передаетъ другимъ извѣстныя идеи, что горизонтъ общественныхъ наукъ болѣе и болѣе раздвигается, и наконецъ обниметъ цѣлый міръ. Предѣлы этого горизонта уже теперь довольно обширны: христіанскія общества, при всемъ разнообразіи учреждений и мѣстныхъ условій, выработали для себя политическія истины, авторитетъ которыхъ мало-по-малу распространился на прочія части свѣта, куда только проникли Европейцы.

Вообще движеніе государственныхъ наукъ состоитъ въ тѣсной связи съ движеніемъ цивилизаціи: оно совершается по одному закону, съ одинаковою силою. Съ этой точки зрѣнія преимущественно намѣрены мы бросить взглядъ на ихъ исторію. Предѣлы

журнальной статьи и богатство предмета не позволяют намъ увлечься подробностями. Предлагаемый очеркъ можетъ казаться слишкомъ бѣглымъ и неудовлетворительнымъ. Но во всякомъ случаѣ цѣль наша будетъ достигнута, если читатель найдетъ здѣсь отвѣтъ на вопросы: какъ пробудилась у новоевропейскихъ народовъ политическая мысль? какія событія дали ей направленіе и содѣйствовали ея развитію? когда государственныя науки сдѣлались самостоятельными, и что въ особенности подвигало ихъ впередъ? Писатели, указанные въ началѣ статьи, облегчатъ намъ разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ и помогутъ сдѣлать надлежащую оцѣнку высшихъ результатовъ современнаго знанія.

Исторія государственныхъ наукъ въ ихъ цѣлости и взаимной связи не была разработана до сихъ поръ. Правда, нѣкоторые публицисты давно уже занимались обзорѣмъ отдѣльных періодовъ и написали нѣсколько монографій о тѣхъ или другихъ отрасляхъ политической литературы. Такъ Раумеръ, Вейцель, Фихте, а въ послѣднее время Форлендеръ прослѣдили постепенное развитіе общихъ идей о государствѣ; политическая экономія, статистика, международное право, также имѣли своихъ историковъ. Но общій ходъ политическихъ наукъ не былъ удовлетворительно объясненъ никѣмъ. Задача казалась неисполнимою и пугала всѣхъ своею обширностію: самый свѣтлый умъ могъ потеряться въ безконечной массѣ матеріаловъ, идей и фактовъ; притомъ же почти всѣ отрасли политическаго знанія долго находились въ броженіи; въ нихъ было много неустановившихся началъ. Вообще это дѣло требовало не только особеннаго таланта, но всесторонняго образованія, зрѣлости и многолѣтнихъ усилій. Блеки справедливо говорить, что всего труднѣе понять и изслѣдовать тѣ неуловимые законы, которые двигаютъ общественнымъ мнѣніемъ и политическою мыслию. Источники, надъ которыми здѣсь долженъ работать умъ, разсыяны въ такомъ безнадѣжномъ хаосѣ, что, повидимому, ихъ нельзя собрать въ одно цѣлое. Дѣйствительно, если вспомнить, какое вліяніе имѣютъ мѣстныя условія и внѣшнія событія на политическую жизнь, какъ она разнообразна и непостоянна, — то легко представить себѣ всю обширность и сложность задачи. Не удивительно, что не скоро нашлись люди съ достаточными силами для основательнаго ея разрѣшенія. Только въ послѣднее время европейская литература приобрѣла два капитальныя сочиненія по

этому предмету; одно изъ нихъ вышло въ Англіи, другое въ Германіи; оба впрочемъ еще не окончены. Авторъ перваго, Блеки, предпринялъ написать исторію политической литературы съ древнѣйшихъ временъ и у всѣхъ замѣчательныхъ народовъ. Въ двухъ вышедшихъ книгахъ онъ уже довелъ свое обозрѣніе до 1700 года; остальные двѣ будутъ посвящены XVIII и XIX столѣтіямъ. Блеки сосредоточиваетъ свое вниманіе на томъ, чтобы объяснить происхожденіе и развитіе политической мысли въ Европѣ вообще и въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ. Онъ рассматриваетъ не столько результаты, сколько самый ходъ науки; его занимаютъ преимущественно историческія событія, которыя дѣйствовали на умы и влекли человѣчество по извѣстной дорогѣ къ разрѣшенію общественныхъ вопросовъ. Чтò касается до писателей, они расположены у англійскаго публициста этнографически и по времени, а не по содержанію; ему часто кажется достаточнымъ одно перечисленіе сочиненій; въ критикѣ вообще онъ слабъ и неудовлетворителенъ. Совершенно другую цѣль имѣлъ знаменитый гейдельбергскій профессоръ Робертъ Мольте. Его твореніе заключаетъ въ себѣ внутреннюю исторію политическихъ наукъ; онъ имѣетъ въ виду «показать родовое развитіе каждой отрасли знанія», объяснить, какъ вырабатывались у европейскихъ народовъ однѣ и тѣ же политическія истины и убѣжденія, до какихъ общихъ результатовъ дошли изслѣдованія о государствѣ. Для Моля не столько важны эпоха и народность писателя, сколько содержаніе сочиненій; онъ расположилъ свои богатые матеріалы синхронистически и по предметамъ; онъ не ограничивается чисто библиографическимъ обозрѣніемъ, но вездѣ отыскиваетъ внутреннюю связь идей, анализируетъ высшія начала, слѣдитъ за развитіемъ догмы. Въ двухъ отпечатанныхъ томахъ Моля содержится, кромѣ общей части, исторія философскаго и отчасти положительнаго государственнаго права (1), также права международнаго; третій, обѣщанный авторомъ, томъ обниметъ политику со всѣми ея отраслями.

(1) До сихъ поръ Мольте изложилъ государственное право Соединенныхъ Штатовъ, Швейцаріи, Англіи и Германіи; въ третьемъ томѣ онъ намѣренъ коснуться Франціи.

Отсюда видно, что оба писателя не сходятся между собою ни въ цѣли, ни въ методѣ. Несмотря на это, они дополняютъ, другъ друга и могутъ служить превосходнымъ пособіемъ тому, кто желаетъ познакомиться съ исторіею государственныхъ наукъ. Германскій профессоръ, конечно, почти во всѣхъ отношеніяхъ далеко превосходитъ своего соперника: его сочиненіе есть плодъ трудовъ цѣлой жизни; въ немъ заключается, такъ сказать, политическій космосъ нашего времени. Глубина взгляда, возвышенность и спокойствіе мысли, всеобъемлющее знаніе—отличительныя качества Моля; его критики, по вѣрности и безпристрастію, могутъ считаться образцовыми, даже не имѣютъ себѣ подобныхъ. Но англійскій публицистъ отличается также неоспоримыми достоинствами и между ними однимъ очень важнымъ: его книга ясна, понятна для большинства. Чтобы понимать Моля, надобно быть хорошо приготовленнымъ; его можетъ оцѣнить вполнѣ только спеціалистъ, человѣкъ, знакомый съ современнымъ состояніемъ политическихъ наукъ; напротивъ, Блеки далъ своему сочиненію самую популярную форму. Кромѣ того, у него были подъ рукою нѣкоторые матеріалы, недоступные для германскаго профессора, особенно касательно средних вѣковъ и старой политической литературы. Вотъ почему, намѣреваясь познакомить читателей съ обоими, мы начнемъ съ Блеки: онъ будетъ для насъ хорошимъ руководителемъ, а во многихъ случаяхъ даже истолкователемъ Моля.

Первоначальнымъ источникомъ политическаго знанія для христіанскихъ народовъ была Библія. Въ Ветхомъ Заветѣ нашли они древнѣйшіе памятники семейной жизни, общественнаго порядка и законодательства, и къ изученію этихъ-то памятниковъ обратилась прежде всего дѣятельность умовъ. Духъ Св. Писанія отражается почти на всѣхъ писателяхъ, жившихъ до половины XVII столѣтія; они проникнуты библейскимъ воззрѣніемъ; религіозный элементъ является у нихъ преобладающимъ, если не исключительнымъ. «Устройство Еврейскаго государства, говоритъ Блеки, было долго пробнымъ камнемъ политическихъ теорій и во многихъ случаяхъ побудительнымъ органомъ къ изслѣдованіямъ о государствѣ.» Мыслители средних вѣковъ находили въ немъ

единственный образец, достойный подражания, и заботились, чтобы хотя отчасти приблизить к нему существующее общество. Кроме того, древний мир завещал новому политическую литературу Греции и обширное законодательство Рима в руководство для мысли и жизни. Платон, и особенно Аристотель, сдѣлались наставниками в наукѣ, еще незрѣлой и робкой; практика же нашла себѣ опору в живыхъ учрежденіяхъ и кодексахъ, которыми такъ прославилась римская гражданственность. Подъ совокупнымъ вліяніемъ этихъ элементовъ стѣмена знанія незамѣтно, мало-по-малу передавались поколѣніямъ. Первые публицисты и государственные люди Европы шли какъ бы ощупью, по невѣдомой дорогѣ, но инстинктъ ихъ былъ вѣренъ: онъ указалъ имъ средства къ усовершенствованію общественной жизни. Самыя событія облегчали для народовъ трудный процессъ усвоенія политическихъ истинъ: христіанство не уничтожило, но приняло въ себя и переработало древній законъ, данный Евреямъ; произведенія классическихъ писателей сохранились среди всемірнаго переворота; наконецъ, невольное чувство уваженія варваровъ къ Риму спасло отъ гибели драгоценные остатки государственнаго устройства и законодательства. Такимъ образомъ ни одно живительное и плодотворное начало не было утрачено среди всеобщаго разрушенія, но перешло въ вѣру и сознаніе человечества. Древность завѣщала новой Европѣ все, что было достойно сохраненія.

Однакожь протекло много вѣковъ, прежде нежели зародыши, брошенные на европейскую почву, пустили корни. Общества, основанныя германскими народами, долго находились въ хаотическомъ, какъ бы безвыходномъ положеніи, и подвергались дѣйствию самыхъ противоположныхъ, враждебныхъ силъ. Послѣ введенія христіанской религіи, наступило время всеобщей, колоссальной борьбы, крутаго перелома. Никогда до тѣхъ поръ не испытывалъ миръ столкновенія подобныхъ событій. Римъ умиралъ въ страшной мучительной агоніи; государства смѣнялись съ неимоверною быстротой, оставляя за собою однѣ развалины; нестройныя и дикія массы проходили съ огнемъ и мечемъ. Сквозь эту бурю и мракъ виденъ только зажженный свѣтильникъ новой религіи. Мирно, медленно, но неотразимо прокладывала она себѣ дорогу; необузданный потокъ насилія не остановилъ ея. Безсо-

знательно, какъ бы противъ воли, завоеватели подчинялись одни за другими духовному завоеванію. Вѣра связала ихъ свѣжія души своими нравственными узами, нечувствительно они были приведены къ христіанскому единству.

Понятно, что христіанство, какъ духовная сила, должно было дѣйствовать прежде на внутренняго человѣка, на воспитаніе, и потомъ уже на общественную жизнь. Политическое его вліяніе сначала было слабо; чтобы одолѣть варварство, невѣжество и пороки вѣка, нужно было дѣйствовать на умы и сердца новыхъ поколѣній. Церковь могла разрушать только нравственнымъ оружіемъ; у нея не было другихъ средствъ къ преобразованію общества, кромѣ поученія, убѣжденія, примѣра; она не приняла на себя разомъ построенія новаго порядка, но руководила народы на пути къ организаціи, и своими нравственными началами облегчала для нихъ разрѣшеніе трудной задачи. Блеки объясняетъ это косвенное и посредственное, но тѣмъ не менѣе постоянное и систематическое вліяніе христіанской религіи слѣдующимъ образомъ:

«Священное Писаніе сдѣлалось великимъ и могущественнымъ органомъ, съ помощію котораго люди могли повѣрять каждую форму общества и систему управленія; оно изобилуетъ фактами, аксіомами, наставленіями и пророчествами для руководства правителей и подданныхъ. Христіанская религія подвергла человѣка ответственности за всю его жизнь, заставила его давать отчетъ въ исполненіи высочайшихъ обязанностей; она внушила ему, что этотъ міръ не есть для него послѣднее мѣсто успокоенія, что высшій судъ будетъ судить все его дѣйствія, что справедливость, истина и милосердіе должны управлять общественными и, слѣдовательно, политическими отношеніями.

«Не удивительно, что въ первые вѣка послѣ введенія христіанства, политическая литература слилась съ интересами и внѣшнею судьбою новой религіи. Библія принесла съ собою новую государственную науку и сообщила ей живой интересъ. Эта наука, какъ молодое и нѣжное растеніе, была принята подъ защиту отцовъ церкви. Они были единственными политическими наставниками своего времени. Общественная истина сдѣлалась въ ихъ рукахъ непреодолимою и прогрессивною силой. Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій мы не находимъ дру-

гой политической литературы, кромѣ твореній отцовъ церкви. Въ этой литературѣ преобладаетъ совершенно особенный, оригинальный характеръ; она отличается чисто-богословскимъ и нравственнымъ направленіемъ. Здѣсь мы не найдемъ строгихъ и послѣдовательныхъ теорій, но одни косвенныя указанія и отвѣты на общественные вопросы. Тогда не было еще матеріаловъ, на которыхъ можетъ быть построена цѣлая система управленія, а потому отцы церкви ограничивались нападеніями на отдѣльные недостатки и злоупотребленія въ государствахъ. Чтобы разрѣшить трудную задачу кореннаго преобразованія, нужно было приготовить умы къ принятію христіанскаго кодекса. Въ этомъ-то состоитъ главная заслуга упомянутыхъ писателей. Правда, они провозглашали свои истины медленно, дѣйствовали на устраненіе общественныхъ предразсудковъ непрямымъ, посредственнымъ образомъ, но во всякомъ случаѣ достигли цѣли. Обширная масса ложной философіи, язычества, варварства и невѣжества, которая останавливала политическое просвѣщеніе, послѣ упорной и продолжительной борьбы уступила мѣсто новымъ началамъ. Ихъ спасительный свѣтъ мало-по-малу озарилъ общества» (1).

Предѣлы журнальной статьи не позволяютъ намъ входить въ подробный разборъ сочиненій, въ которыхъ отцы церкви высказываютъ свои политическія идеи. Содержаніе этихъ сочиненій очень разнообразно: въ однихъ изложены основныя начала общественной жизни, въ другихъ разрѣшаются отдѣльные практическіе вопросы законодательства и государственной экономіи, между которыми многіе интересуютъ и современный міръ. Сюда относятся напримѣръ вопросы о процентахъ, о скупкѣ съѣстныхъ припасовъ, о публичной и частной благотворительности, о правахъ иностранцевъ (2). Вообще, христіанскіе писатели отличаются возвышеннымъ взглядомъ на политическія науки. Они анализировали первоначальные элементы сложнаго государственнаго организма, объясняли различныя фазы общественной жизни и

(1) *Blakey* I, 135—141. Мы привели здѣсь только главныя мысли этого писателя.

(2) Разборъ этихъ сочиненій можно найти у Блеки I, 141—149, и въ особенности у Лорана въ четвертомъ томѣ его *Etudes sur l'histoire de l'humanité* pp. 474—536 (Gand 1855).

старались доказать, что человекъ, при всей ограниченности и несовершенствѣ своей природы, способенъ къ гражданскому прогрессу. Жестокость и несправедливость древняго законодательства была предметомъ ихъ постоянной оппозиціи; они благородно и энергически выставили сильнымъ земли законъ правды и милосердія, какъ единственное основаніе власти.

Дѣйствуя рѣшительно и наступательно противъ языческаго порядка и провозглашая новыя начала гражданской жизни, правосудія и свободы серьезнымъ, поучительнымъ тономъ, христіанство мало-по-малу подчинило себѣ умы, и такимъ образомъ приготовило путь къ перемѣнамъ. Имѣя на своей сторонѣ общество и правительства, церковь могла уже смѣло приступить къ реформамъ и дѣйствительно стала въ главѣ движенія, приняла на себя инициативу въ политическихъ нововведеніяхъ. Стройная организація духовенства, частыя пренія о жизненныхъ вопросахъ догмы, іерархіи и дисциплины, сочувствіе къ публичнымъ интересамъ, высказанное на соборахъ и въ синодахъ знаніе, талантъ и краснорѣчіе церковныхъ правителей, героическій и просвѣщенный патріотизмъ христіанскихъ общинъ, — все это дало въ государствахъ религіозному элементу рѣшительный перевѣсъ. Сюда должно присоединить еще постоянно-возраставшее вліяніе папской власти.

Итакъ неудивительно, что для христіанскихъ народовъ церковь сдѣлалась надолго единственнымъ элементомъ общественнаго прогресса, высшею опорою правительствъ и душою преобразованій. Въ ней одной жила и вырабатывалась политическая идея въ продолженіи первыхъ десяти столѣтій. Дѣйствительно, всѣ государственныя стремленія того времени, какъ видно изъ исторіи, проникнуты религіознымъ характеромъ; ни одна великая личность не свободна отъ богословскаго авторитета; мыслители и практическіе дѣятели подчинены ему сознательно или безсознательно; теократическій элементъ одинаково господствуетъ въ жизни и въ литературѣ; нравственный перевѣсъ духовной власти надъ свѣтскою обнаруживается на каждомъ шагѣ: общественныя улучшенія исходятъ обыкновенно отъ церкви или совершаются подъ ея руководствомъ; она имѣетъ вліяніе даже на завоевателей, заставляя ихъ служить своимъ цѣлямъ, то-есть дѣйствовать на пользу распространенія христіанства.

Борьба германскихъ императоровъ съ папами открываетъ новую эпоху. Гармонія между свѣтскою и духовною властью нарушается, первая стремится къ самостоятельности, къ освобожденію себя отъ опеки; вторая старается удержать за собою первенство. Не будемъ распространяться объ историческомъ значеніи этой продолжительной борьбы: отъ ея исхода зависѣла политическая будущность христіанскаго міра. Блѣки разсматриваетъ со вниманіемъ событія, которыя содѣйствовали эманципации государствъ и развитію гражданской жизни до конца среднихъ вѣковъ. Подъ вліяніемъ великаго столкновенія, въ обществахъ возникли учрежденія, которыя до сихъ поръ служатъ основаніемъ европейскаго устройства. Послѣ крестовыхъ походовъ послѣдствія спора между Римскимъ дворомъ и королевскою властью уже обозначались вездѣ: теократическій элементъ видимо ослабѣлъ; феодальная система склонилась къ упадку: государственное начало взяло верхъ надъ автономіею частныхъ лицъ; между народами распространились торговыя сношенія. Нѣтъ нужды доказывать, что окончательные результаты борьбы выяснились постепенно и медленно: она прекращалась и возобновлялась нѣсколько разъ.

Въ то время когда совершался въ Европѣ этотъ трудный процессъ организаціи самостоятельныхъ государствъ, политическая мысль начала высказываться внѣ церкви. Борьба императоровъ съ папами сильно затронула умы, даже между духовенствомъ произошелъ расколъ по вопросу объ отношеніи церкви къ государству; единство убѣжденій было потеряно; послѣдователи теократіи отдѣлились отъ приверженцевъ королевской власти. До сихъ поръ публичные интересы обсуживались преимущественно богословами или подъ ихъ вліяніемъ; теперь являются свѣжіе писатели. Сопротивленіе императоровъ и королей римскому двору вызвало ихъ къ дѣятельности, дало имъ смѣлость говорить. Разумѣется, при отсутствіи книгопечатанія, ихъ сочиненія не могли имѣть большаго хода, но во всякомъ случаѣ они приобрѣли извѣстное вліяніе на публику тѣмъ или другимъ образомъ. Между писателями этой эпохи самое видное мѣсто занимаютъ схоластики. Несмотря на богословскій духъ, который въ сильной степени замѣтенъ въ ихъ сочиненіяхъ, они разсматриваютъ государственные вопросы независимо, отдѣльно отъ цер-

ковныхъ. Конечно, главнымъ предметомъ ихъ занятій была философія, но они коснулись также общественной науки, раскрыли для наставленія «Политику» Аристотеля и старались согласить ее съ Св. Писаніемъ. Несмотря на отсутствіе самостоятельности, сухую форму и другіе недостатки, эти писатели заслуживаютъ вниманія, какъ первые наставники юношества и просвѣтители молодыхъ поколѣній. Блэки отдаетъ имъ полную справедливость и вѣрно опредѣляетъ ихъ заслуги для того темнаго, смутнаго времени, въ которое имъ суждено было жить и дѣйствовать (1). «Не должно забывать, говоритъ онъ, что схоластики очень помогли дѣлу гражданской свободы и просвѣщенія: *они всегда защищали право человеческого разума на рѣшеніе государственныхъ задачъ*, сообщили единство и методу политическимъ умозрѣніямъ и смотрѣли на науку правленія, какъ на самобытную отрасль знанія. Вопросы о происхожденіи общества, объ основаніи и авторитетѣ гражданского закона преимущественно интересовали философовъ. Вообще схоластическія изслѣдованія о политикѣ носятъ на себѣ отвлеченный, трансцендентальный характеръ; факты и наблюденія имѣли для этихъ писателей второстепенную важность: ихъ ученіе построено на абстрактныхъ началахъ; они опираются прежде всего на религію и нравственность.» Многіе схоластики были на сторонѣ свѣтской власти и возбудили противъ себя преслѣдованія римскаго двора; изъ нихъ особенно замѣчательнъ Шотландецъ Вилліамъ Оккамъ. Его книга «De Potestate ecclesiastica et seculari» (1326) имѣетъ цѣну даже въ настоящее время. Альбрехтъ Великій, Томасъ Аквинскій, Эгидій Колонна также отличаются достоинствами: будучи послѣдователями Аристотеля, они высказали довольно безпристрастный и основательный взглядъ на вопросы, волновавшіе тогда христіанскій міръ. Между защитниками папы первое мѣсто занимаетъ Антонинъ, архіепископъ флорентинскій: на него можно смотрѣть какъ на представителя крайнихъ теократическихъ убѣжденій; онъ совершенно подчиняетъ свѣтскую власть духовной. Но большая часть средневѣковыхъ писателей старалась примирить между собою спорящія стороны и обозначить для каждой изъ нихъ точными границами отдѣльную сферу. По

(1) Blakey I, 218—230, 306—352; 454—457.

понятіямъ тогдашняго времени христіанскій міръ долженъ былъ составить одно великое государство; папа и императоръ должны были управлять или совмѣстно, дѣйствовать гармонически. Но какимъ образомъ достигнуть желанной гармоніи, гдѣ найти спасительную средину, — въ этомъ трудно было согласиться. Задача оказалась неразрѣшимою не только на практикѣ, но и въ теоріи. Къ сожалѣнію, взволнованные умы не скоро отказались отъ своего увлеченія; историческія событія не обратили ихъ на настоящую дорогу; они упорно держались за утопію и продолжали бесплодную полемику до конца среднихъ вѣковъ. Такимъ образомъ развитіе государственныхъ наукъ замедлилось: вмѣсто того, чтобы заниматься рѣшеніемъ національныхъ и практическихъ вопросовъ, ученые создавали идеалы всеобщей теократической монархіи и потерялись въ несбыточныхъ представленіяхъ о политическомъ единствѣ христіанскихъ народовъ.

Такое направленіе умовъ непременно должно было вызвать оппозицію и сатиру. Дѣйствительно уже съ XII, а въ особенности съ конца XIV столѣтія во Франціи, Англіи и Голландіи, появляются сочиненія такого рода: пѣсни, сказки, памфлеты политическаго содержанія. Въ нихъ высказываются жалобы на общественныя злоупотребленія и пороки, нападки на существующій порядокъ и насмѣшки надъ сословіями и отдѣльными лицами. Эти произведенія отличаются грубостью формы, желчью и негодованіемъ; лучшія изъ нихъ приведены у Блеку (1). Видно, что надъ ними трудились смѣлые, умныя головы и въ особенности поэты. Впрочемъ серіозныхъ памфлетовъ этого времени дошло до насъ немного; изъ сохранившихся почти всѣ направлены противъ римскаго двора и наполнены протестами противъ папъ. Дантъ, Петрарка, канцлеръ Герсонъ, — вотъ самые опасные враги духовной власти.

Если мы присоединимъ къ этому лѣтописи и немногія юридическія и статистическія сочиненія (2), авторы которыхъ касаются государственныхъ вопросовъ случайно, мимоходомъ, или съ исключительной точки зрѣнія, то исчерпаемъ весь скудный запасъ средневѣковой политической литературы. Разсматривая ея содержаніе въ цѣлости, должно согласиться, что это время не благоприятствовало отдѣльной и систематической разработкѣ полити-

(1) Blakey, I, 364—377.

(2) Blakey, I; 362—364; 401—444.

ческихъ наукъ: онѣ не могли подвинуться впередъ до тѣхъ поръ, пока не окончился трудный и сложный процессъ организаціи обществъ. Народы тогда еще не чувствовали потребности политическаго знанія; дѣятельность умовъ обращена была преимущественно на вопросы религіи; правительства руководствовались при рѣшеніи государственныхъ задачъ простымъ инстинктомъ, внушеніями минуты, указаніями житейскаго благоразумія, или увлекались къ предпріятіямъ и реформамъ силою обстоятельствъ; наука была почти недоступна обществу; ея преданія хранились въ стѣнахъ монастырей и школъ и были извѣстны только богословамъ и схоластикамъ, для которыхъ она была постороннимъ, второстепеннымъ предметомъ.

Поэтому до XV столѣтія мы не находимъ въ европейской литературѣ цѣлостныхъ, стройныхъ изслѣдованій о государствѣ, какія встрѣчаются на примѣръ у Грековъ и Римлянъ. Изъ представителей средневѣковой учености никто не изложилъ политическихъ наукъ въ полнотѣ и связи; они довольствовались построеніемъ основныхъ началъ, или касались отдѣльныхъ предметовъ и вносили въ свои сочиненія богословскій духъ. Но во всякомъ случаѣ отсюда нельзя еще заключить, чтобы этотъ періодъ времени не имѣлъ никакого смысла въ исторіи политическаго просвѣщенія. Въ средніе вѣка, говоритъ Блеки, было немного писано, но много сдѣлано для науки о государствѣ: она не только была сохранена отцами церкви и схоластиками, но передана европейскимъ обществамъ въ обновленномъ видѣ; въ основаніе ея легли чистыя и возвышенныя истины христіанства. Въ этомъ состоитъ главная заслуга упомянутыхъ писателей: они примирили знаніе съ вѣрою; указали дорогу къ усовершенствованію общественной жизни въ духѣ любви и мира; имъ нельзя было ничего больше сдѣлать для своего времени и будущихъ поколѣній. Упрекать ихъ въ томъ, что они смотрѣли на общественную науку исключительно съ религіозной точки зрѣнія и не занимались спеціально разработкою ея частей и догмъ, было бы несправедливо. Чтобы оцѣнить трудъ первыхъ политическихъ наставниковъ, нужно имѣть въ виду ихъ особенное положеніе въ обществѣ, вникнуть въ характеръ и требованія эпохи. Идея о государствѣ тогда еще не выяснилась; интересы церкви поглащали всеобщее вниманіе; умы были отвлечены отъ гражданскихъ и національных вопросовъ; теократическія понятія, завоева-

тельные и феодальные стремления препятствовали развитію политическаго смысла. При такихъ обстоятельствахъ одна религія могла быть источникомъ знанія и живительнымъ началомъ прогресса; общественная истина проникала въ голову и сердце народовъ, становилась для нихъ доступною только тогда, когда провозглашалась во имя христіанства. «Вотъ почему, говоритъ Блеки, каждый изъ писателей среднихъ вѣковъ взывалъ къ ученію вѣры, къ нравственнымъ ея догмамъ! Въ этомъ заключается тайна ихъ вліянія и успѣха. Всѣ передовые люди тогдашняго времени чувствовали, что политическая природа человѣка еще отъ него закрыта, что онъ не въ силахъ понять внутреннихъ законовъ, на которые опирается общественная жизнь, и поэтому старались объяснить его собственное, высокое призваніе, его долгъ къ Богу и ближнимъ (1).» Такимъ образомъ писатели этого времени дѣйствовали хотя косвенно, но могущественно на политическое просвѣщеніе Европы. Раскрывая начала христіанской нравственности, они внушали народамъ идеи общественной правды и добра, сочувствіе къ низшимъ классамъ, убѣжденія въ единствѣ и достоинствѣ челоуѣческой природы и сознаніе братства. Это направленіе, разумѣется, особенно преобладаетъ въ сочиненіяхъ учителей церкви; впрочемъ и схоластики также отличаются, какъ мы видѣли, возвышеннымъ взглядомъ на государство: по ихъ мнѣнію, политика, какъ наука о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ между властителями и подданными, должна быть основана на началахъ нравственныхъ; они признаютъ верховный законъ справедливости единственною опорою обществъ. Эти идеи, какъ мы видимъ, были приняты и развиты въ теорію позднѣйшими публицистами. Поэтому можно сказать безъ преувеличенія, что ученые среднихъ вѣковъ, несмотря на ихъ богословскій характеръ, несмотря на отсутствіе самостоятельности, политическаго духа и системы въ ихъ сочиненіяхъ, несмотря на ихъ отрывочность, неполноту, несвязность и другіе недостатки, оказали существенныя услуги наукѣ: они не только сберегли ея памятники и оставили своимъ преемникамъ богатый матеріалъ, но и возвысили ея достоинство. Ихъ утопіи были скоро забыты, но провозглашенныя ими во имя религіи и нравственности общественныя истины вкоренились и окрѣпили въ сознаніи христіанскихъ народовъ.

(1) Blakey, I, 468.